

Игорь Орлав

МАРШРУТ ДЛЯ НЕПОХОЖИХ

КодМы

Научная фантастика

Игорь Орлав

Маршрут для непохожих

<https://litres.ru/74548873>

SelfPub; 2026

Аннотация

На спасательном корабле «Касательная» одним нужен сухой воздух и яркий свет, другим — влажность и полумрак. До безопасного порта восемнадцать суток. Из-за ошибки координатора Зои Рем страдает пассажир, а изношенный осушитель заставляет переделывать маршруты. Пока Зоя учится учитывать людей за строками расписания, Ная и Илья сближаются по разные стороны герметичного стекла. Для встречи им мало найти свободные восемь минут: придётся понять, кто вправе распоряжаться чужим временем.

Содержание

Глава 1. Миска	5
Глава 2. Нули на схеме	10
Глава 3. Два плавника	16
Глава 4. Чужие имена	23
Глава 5. Путь с миской	29
Глава 6. Лишний плавник	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Игорь Орлав

Маршрут для непохожих

Это художественное произведение. Персонажи, события, миры и технологии вымышлены. Совпадения с реальными людьми и обстоятельствами случайны.

Глава 1. Миска

Миска покатила под скамью, и Орен Вис вернулся за ней, когда за его плечом уже сходились створки.

Зоя увидела это сквозь стекло большого тамбура. Успела подумать, что человек задерживает следующую группу. Затем синий свет сменился ярким янтарным, в решётках потолка щёлкнуло, а Орен, стоявший на колене, перестал тянуться к миске. Поднял голову и закрыл глаза ладонью.

На пульте горело: «Людей нет».

— Остановить продувку, — сказала Зоя.

Пульт спросил, к какому из четырёх переходов относится команда. Она ударила ладонью по полю большого тамбура М. Вентиляторы стихли. Свет остался ослепительно ярким. Орен встал, упёрся в скамью и раскрыл рот, словно хотел ответить на вопрос, которого никто не задавал.

Зоя убрала яркость. Теперь она почти не различала человека в глубине. На его локте висел сложенный воротник увлажнения, щиток был зажат под ремешком. По выданному Зоей маршруту ни воротник, ни щиток пока не требовались.

— Орен, наденьте воротник. Вы меня слышите?

Он повернул голову к голосу. Другую руку протянул вперёд, к двери влажного сектора, но не дошёл.

Из очереди кто-то крикнул, чтобы открыли. Зоя уже нажала на отпирание, когда красный значок объяснил: среда не

подтверждена. Она могла отменить эту защиту своим допуском. За дверью теснились люди, снявшие дорожные щитки. Воздух большого тамбура уже не годился для них.

— Назад от двери. Два шага. Не толкайтесь.

Её собственный голос оказался резким, почти злым. Люди отступили не потому, что поверили ей: женщина в первой шеренге развела руки и удержала остальных.

Ася Лин появилась со стороны жилого сектора, на ходу застёгивая сумку.

— Свет убрала? Подачу остановила? Возвращай влажный режим. Все шесть минут, без сокращений.

Зоя включила возврат. На табло начался отсчёт. Ася заговорила с Ореном через микрофон, коротко, называя его по имени. Он смог поднять воротник. Потом сел прямо на пол, вытянув ноги, и прижал устройство к шее. Миска лежала возле его ботинка. В ней, как в маленьком окне, отражалось красное табло.

Пассажиров ещё не разместили. В грузовой галерее стояли сумки, детские переноски, мешки, перехваченные аварийной лентой Рубежа. Некоторые люди держали вещи у себя на коленях, не доверяя даже полу. После разрушения пересадочного узла им достались на корабле койки, которых никто для них не готовил, и по чашке тёплого питья. Миски выдавали сейчас: лёгкие, штабелируемые, с номером на ободке. Орен пришёл за своей в назначенное окно, чтобы поесть уже на месте.

Зоя придумала выдавать посуду сразу группами в большом тамбуре. Один вход, один выход, дуга стрелок на полу; пустая камера автоматически готовилась к следующей среде. Не нужно было протискивать каждую миску через передаточный ящик. Экономились часы.

На табло оставалось пять минут.

За стеклом Орен что-то сказал. Ася попросила его повторить.

— Она под скамью... — донёлся неровный голос.

— Миску заберём. Сидите.

— Не хотел чужую.

Зоя зажмурилась. Ей было двадцать шесть, и вчера старший координатор ещё мог поправить любой её приказ. Сегодня он лежал с травмой в бортовой медкомнате, а она получила его планшет и сто восемьдесят шесть строк с отметкой «спасён». Она первым делом разобрала строки по условиям воздуха, рассчитала койки и поставила часы рядом с фамилиями. Рабочая задача, которую можно было выполнить. Ровные столбцы вернули ей способность думать.

— Остальные переходы тоже остановить, — сказала Ася, не отрываясь от окна. — Там люди?

Зоя посмотрела на схему. Три малых тамбура показывали нули.

— Сейчас проверю.

Она не произнесла «нет». Позвала дежурных по внутренней связи и попросила посмотреть через стёкла. В одном ма-

лом переходе действительно стояла девочка с мягкой сумкой. Ждала, когда мама заберёт забытый свёрток. Её браслет уже отметился снаружи.

Зоя отключила автоматические окна во всех камерах.

Наконец синий индикатор над дверью загорелся ровно. Людей у входа оттеснили к стене, Ася надела защиту и вошла со стороны влажного сектора. Вторая дверь оставалась заперта. Орен сам поднялся, но не разрешил взять себя под руку. Медработник шла рядом, подбирая его шаг. Миску несли она.

Когда он оказался по свою сторону стекла, Зоя нажала кнопку микрофона.

— Орен Вис? Я отвечаю за размещение. Это мой порядок прохода. Я...

Он посмотрел на неё. Длинное лицо под мокрыми от воротника прядями не выражало ни гнева, ни ожидания. Ему было трудно удерживать глаза открытыми.

— Мне сейчас куда?

— К Асе. Потом в задний сектор, место сорок один. Вас проводят.

— А поесть?

На этот вопрос она не приготовила ответа. Посуду продолжали ждать у двери, еду — у раздаточной, новые койки — в двух грузовых комнатах. Всё её расписание зависело от того, что люди проходят непрерывно.

— Принесём туда, — сказала Зоя.

Ася вернулась к окну, когда Орена уже увели из прохода.
— Твой маршрут пока оставь у меня. Именно тот, который ему выдали.

— Я могу прислать исправленный.

— Этот тоже пришли. Но мне нужен первый.

Зоя сняла со своего планшета копию. На крошечной схеме были нарисованы воротник и щиток, перечёркнутые серой линией: защита не нужна. Она сама выбрала этот знак, чтобы люди не тратили время на чтение пояснений. Под картинкой осталось её подтверждение. Зоя отправила файл и закрыла окно, не добавляя ничего о спешке.

В очереди заплакал ребёнок. Кто-то предложил раздать оставшуюся посуду прямо здесь, передавая её по рукам. Зоя остановила раздачу: сухие и влажные пакеты лежали рядом, рассортировать их уже не успевали. Женщина, удержавшая людей у двери, посмотрела на неё без одобрения, но помогла отодвинуть тележку. Потом потребовала назвать время следующей выдачи.

Зоя сказала: через час. В уме она уже прибавила ещё половину и не решилась произнести её вслух.

Очередь понемногу разошлась. В тамбуре осталась одна пустая скамья. Зоя подняла с пола выданную ей схему, на которую наступили в очереди. Синяя стрелка делала аккуратную дугу вокруг скамьи, не задевая её ни в одном месте.

Она разорвала лист пополам и тут же пожалела: на обороте были номера тех, кому ещё не выдали посуду.

Глава 2. Нули на схеме

Бортовой инженер Тамир Лес принёс к Зое считыватель браслетов. Положил на край стола, как неисправный чайник.

— Он работает, — сказал он.

После трёх часов, потраченных на ручную выдачу еды, это известие показалось ей издевательством.

— Я видела ноль. Человек был внутри.

— Считыватель считает браслеты. Орен протянул руку за линию, потом вернулся за миской. Вот рука вышла. Вот человек остался.

Тамир провёл своей широкой ладонью над снятым устройством. На его ручном приборе число сменилось.

— У дверей есть защита от зажатия, — продолжил он. — Но после их закрытия она не проверяет, куда ты пошёл. В грузовом режиме здесь следили за тележками. Тележка не возвращается за миской.

Зоя помнила примечание в описании тамбура: «Для сопровождаемых перемещений». Ей казалось, сопровождающим может считаться координатор, видящий схему. Теперь строчка всплывала целиком, включая последнее слово.

Капитан «Касательной» Марта Энн слушала, стоя. Для третьего стула в тесной диспетчерской не было места. Она ещё не сняла куртку после осмотра пассажирских помещений; по левому рукаву тянулась белая пыль от старых грузо-

вых креплений.

— Автоматика отключена? — спросила она.

— До проверки каждого маршрута. Пока принимающая сторона подтверждает, что камера пуста, вслух. И отправляющая тоже.

— Кто эти люди?

Зоя показала список дежурных. Марта провела пальцем по часам.

— Здесь один человек работает девять часов, потом стоит у двери ещё четыре.

— Иначе некому.

— Значит, доставка займёт дольше.

Зоя хотела напомнить о восемнадцати сутках до Свода, о тесноте, о людях без чистой смены одежды. Но капитан знала срок лучше неё. На четырнадцатые сутки начинался глухой прогон через межзвёздную складку; одиннадцать часов корабль должен был держать заранее закреплённые режимы. Зоя собиралась к этому времени сделать пассажирскую жизнь почти незаметной для экипажа.

— Мне нужен первоначальный файл, — сказала Марта. — С твоими настройками. Отдельно — что произошло. Правку поверх не сохраняй.

Зоя убрала ладонь с планшета.

— Сохраню обе версии.

Они вышли в центральную грузовую галерею. Зоя привыкла видеть корабль сверху: вытянутая фигура, сухой сек-

тор впереди, влажный сзади, жилой сбоку; переходы связывают их, словно застёжки. В самой галерее каждая линия имела толщину. Её занимали чьи-то колени, подвешенный мешок, тележка, которую некуда повернуть.

У сухого сектора женщина с седой косой закрывала ящик с тканевыми оболочками. Зоя узнала Раду Гель: при эвакуации та передала ей через люк двух детей, а потом вернулась за чужой сумкой с защитными комплектами.

— Нам поставили питьё рядом с выходом, — сказала Рада. — За ним ходят отсюда все. Уберите стойку дальше от двери.

— Тогда до неё станет неудобно добираться.

— Зато дверь перестанут открывать каждые две минуты. И перестанут ставить мокрые кружки на оболочки.

Нерийский сектор светился ровным янтарём. Никаких ночных приглушений здесь пока не устроили: для спящих натянули плотные пологи над койками. Короткий выход в среднюю среду люди переносили, но сухое место для долгого сна требовалось каждому. Рада показала на складку своей ладони. Белёная линия на коже едва разошлась.

— Это после Рубежа. Второго такого перехода я не хочу.

— Переставим стойку, — сказала Зоя. — Кто пользуется ею ночью?

— Спросите. Я не знаю за всех.

Во влажном секторе голоса звучали глуше. Через затенённое стекло Зоя различала лица лишь когда люди подходили

вплотную. Савел Нор, высокий старик с тростью, слушал её предложение выдавать еду по номеру спального места.

— Хорошо, — сказал он. — А есть мы будем тоже по номеру?

— Это для очереди.

— Тогда так и напишите. С утра троих рассадили в разные углы. Ваш помощник решил, что он за порядком смотрит.

У Зои не было помощника. Был матрос, которому она дала планшет и поручила не допускать скоплений. Объяснение, произнесённое вслух, вряд ли улучшило бы дело.

— Я поговорю с ним. За столом можно сидеть вместе.

— Если стол останется.

Савел пропустил к окну худую женщину с двумя багажными бирками. Ей нужно было получить вещи мужа из жилого сектора. Муж уже ждал в своей комнате, а сумки при посадке по ошибке отправили с грузом экипажа. Зоя предложила передать их через ящик. Оказалось, одна не проходит по размеру; разбирать её женщина не хотела.

— Тогда сопровождающий принесёт по вашему маршруту.

— Когда?

Зоя посмотрела на часы. Тот же сопровождающий сейчас выдавал еду.

Тамир, стоявший рядом, спросил, нужны ли вещи немедленно. Женщина сжала в ладони бирки. В одной сумке, объяснила она, были тапки мужа. Без них он отказывался ло-

житься, а корабельные снял: они шуршали по одеялу.

Зоя чуть не сказала, что это подождёт. Вместо этого нашла в списке имя дежурного жилого сектора и вызвала его сама. Тапки поместились в передаточный ящик. Остальную сумку договорились принести вечером.

У следующей перегородки она спросила Тамира, нельзя ли после каждого прохода возвращать средний режим, пригодный для экипажа. Тогда сопровождающим не пришлось бы сверяться с назначением камеры.

— Можно. Ещё шесть минут после каждого человека. И расход на каждый возврат. Посчитай, сколько раз за ночь.

Зоя посчитала. На её экране сразу исчезли четыре окна доставки. Она закрыла расчёт и пошла дальше; Тамир не стал предлагать ей более красивого числа.

Тридцать три человека с верфей Ось поселили в жилом секторе вместе с экипажем. Воздух подходил им без настройки, и Зоя поставила напротив соответствующей строки зелёный знак: решено. Тамир остановился у входа в их комнату и подождал. За стеной включился насос.

От низкого звука задрожала металлическая крышка на столе.

— Каждые двадцать минут, — сказала женщина у плиты. — На верфи я тоже слышала машины. Только домой уходила.

Дина Шест была в фартуке поверх дорожного свитера. Возле неё девочка с косой подбирала под крышку свёрнутую

салфетку.

— Вета, не трогай горячее. И вот ещё, координатор. Здесь греют оболочки перед сушкой. Здесь я готовлю. Запах один на всё. Не записывайте это в привычки, которые мы можем потерпеть.

— Место приготовления отделим, — сказала Зоя и поймала себя на том, что снова обещает неведомо кем выполненную работу. — Сегодня я освобожу тот стол. Перегородку надо согласовать с Тамиром.

Вечером она села переписывать маршруты. Прежние цветные стрелки занимали один экран. Новые не умещались на четырёх. Нужно было учитывать возвращение, вещи, человека, которому нельзя ждать стоя, и дежурного, которому тоже требовалось поесть.

Зоя провела линию, остановилась и стёрла её. Затем написала напротив первой передачи: «Кто встретит?» Ответа пока не было.

Глава 3. Два плавника

Ная Серен приложила ладонь к стеклу передаточного ящика, проверяя, не запотело ли оно. Стекло оставалось сухим. Она открыла свою крышку и достала водяной дозатор, упакованный в прозрачный чехол. Красная петля по краю чехла обозначалась вчера как ручка; сегодня её подпорол, чтобы использовать для завязки.

— За петлю поднимать нельзя, — сказал мужчина по другую сторону перегородки.

Ная уже держала её двумя пальцами.

— Очень убедительная петля. Наверное, долго притворялась.

Он улыбнулся не сразу. Посмотрел на шов, потом на её лицо.

— Я хотел сделать другую. Но попросили сначала наладить подачу.

— Значит, петля пока работает петлёй, а предупреждение работает ручкой.

Она подхватила дозатор снизу и поставила на стол. Мужчина находился во влажной мастерской, совсем небольшой комнате за большим тамбуром. Здесь было установлено одно из немногих стёкол, у которых можно было работать сидя с обеих сторон. С нерийской стороны отражался янтарный свет, с талмской — тёмно-синий. Затенение защищало талм-

скую сторону от ярких лучей. Перегородка была тонкой, едва заметным стыком по краю; воздух, запахи и тепло ладоней через неё не проходили. Для голоса служили два микрофона с кнопками.

— Илья Тев, — представился он.

— Ная. Манжету заменить целиком?

— Если у вас есть материал. Края треснули.

Ная раскрыла свой чемодан. В нём лежали ножницы, швейная игла с тупым изгибом, мотки нити и сложенные обрезки. До Рубежа она везла их как образцы для заказа. Заказчик должен был выбрать двенадцать одинаковых защитных оболочек. Теперь каждый обрезок уже кому-нибудь обещали.

Она нашла полосу нужной ширины.

— Для дозатора хватит. Но в чехол я его не верну. Шов надо переделать, иначе вы однажды поднимете пустую ручку.

— Дозатор уже однажды падал.

— И что, понравилось?

Илья тихо засмеялся, спрятав улыбку за пальцами. У него были широкие кисти, совсем не подходившие к узкому лицу. Прямые пепельные волосы он заправлял за уши; одна прядь немедленно возвращалась к щеке. Ная заметила это, потому что он убирал её тем же движением, каким придерживал крышку разбитого корпуса: бережно, будто и она могла отвалиться.

Пока Ная работала, Илья объяснял, где шов нельзя делать слишком толстым. Она остановила его после третьего пояснения.

— Я вижу посадочное место.

— Извините. Я привык, что отсюда его не видно.

Он отодвинулся от стекла. Ная поняла, что задела его, хотя произнесла совершенно обычную для себя фразу. Сама она терпеть не могла, когда за работой торопят.

— А вот зачем на крышке такое колесо, не вижу, — сказала она.

— Чтобы можно было пользоваться мокрой рукой. Старое было гладкое.

— Покажете?

Илья придвинул к стеклу снятую крышку. Они некоторое время обсуждали насечки, с одинаковым удовольствием находя недостатки в вещи, которой раньше довольствовались. У Наи перестали болеть плечи; вернее, она ненадолго забыла, что они болят. За перегородкой никто не просил её ускориться ради следующего человека.

Когда пришло время передать дозатор обратно, крышка ящика с талмской стороны не приняла подтверждение. Жёлтый индикатор остался гореть.

— Не тяните, — одновременно сказали они.

Ная рассмеялась первой. Илья показал ей маленький кусок нити, застрявший у края. Он убрал его, прижал крышку заново и дождался зелёного сигнала. Только после этого

открылась её сторона. Ная положила внутрь дозатор с новой манжетой, закрыла крышку; маленькая камера подготовила вещь к влажному режиму, прежде чем разрешить Илье забрать её. Вещь пересекла границу за минуту; им самим понадобились бы приготовления и шестиминутный цикл тамбура.

— У вас нитка была, — сказала Ная. — Значит, вы тоже шьёте.

— Плохо.

— Все так говорят, пока не попросят дошить за них.

— Я не попрошу.

Он сказал это серьёзно, и ей стало немного жаль своей насмешки. Но потом он поднял с колен плоскую жестяную рыбку. Рыбка была вырезана из упаковки; на боку ещё виднелась половина обозначения груза. Снизу торчала маленькая зубчатая шестерня.

— Для этого нитка. Она должна двигаться по полоске. Пока едет только набок.

Ная отложила ножницы.

— Потому что плавник один.

— Второй с другой стороны.

— Тогда потому, что их два.

Он повернул рыбку. Второй плавник и вправду имел другую форму: широкий, округлый, а первый был похож на заострённый язычок. Илья провёл механизмом по короткой зубчатой полосе. Рыбка дёрнулась, неловко поклонилась и

стукнула носом в стол.

Из соседней комнаты окликнули: не сломалось ли чего. Илья ответил, что нет, и убавил громкость микрофона.

— Это не дозатор, — пояснил он уже тише.

— Я заметила. Дозаторы падают без поклона.

Нае захотелось взять игрушку в руки. Вместо этого она достала карандаш, нарисовала на своём рабочем листке изогнутую лапку и приложила листок к стеклу. Илья перевернул рисунок мысленно, нахмурился и показал, где упирается ось. Она стала рисовать заново. Несколько минут они по очереди подносили к стеклу бумагу, не замечая, что рисунки выходят зеркальными.

Потом Ная перевернула лист и обвела линии с обратной стороны. Они снова засмеялись.

— Дома я делала птиц, — сказала она. — Таких, которые на леске спускаются с полки. Покупатели всё просили, чтобы крылья махали ровнее.

— Получилось?

— Конечно. Но я оставила себе одну, которая по дороге переворачивалась. У неё было больше дел.

Илья провёл пальцем вдоль своего листка, повторяя наклон крыла. Он спросил, можно ли сделать так, чтобы рыбка перед остановкой приподнимала нос. Ная собиралась предложить самый простой способ, но передумала: её занимало, что он сам придумает. Илья вынул короткую пружину, прижал к корпусу и отпустил. Раздался резкий щелчок.

— Нет, — сказала Ная. — Эта будет будить меня даже из вашей комнаты.

— Она маленькая.

— Тем обиднее просыпаться.

Он послушно убрал пружину. Ная подобрала узкую полоску мягкой прокладки, оставшуюся от манжеты. Через ящик полоска ушла на другую сторону. Илья обернул ею упор; второй щелчок вышел гораздо тише. Чтобы расслышать его, они оба наклонились к перегородке и на мгновение оказались лицами совсем близко.

Ная откинулась на спинку стула, расправила плечи в тёмно-винном комбинезоне. В стекле отразилось её широкоскулое медно-коричневое лицо. Захотелось поправить короткие кудри у виска, но пальцы были заняты карандашом. Она оставила всё как есть.

К столу подошла Рада. Поставила возле чемодана свёрток из трёх оболочек.

— Здесь ещё. До вечерней выдачи успеешь?

Ная посмотрела на рабочие часы. Она сидела здесь почти пять часов. На собственный ужин оставалось сорок минут.

— Успею.

Илья убрал рыбку со стола. Ная заметила, как быстро он это сделал, словно их застали за порчей полезного имущества.

— Оставьте рисунок, — сказала она. — С плавником ещё не закончено.

Он кивнул. Манжета дозатора уже стояла на месте; Илья проверил её, и ровная струя наполнила мерную чашку. Ная занялась первой оболочкой. Белые линии на её ладонях цепляли тонкую ткань. По ту сторону стекла мужчина больше её не отвлекал, но рисунок рыбки так и остался прислонённым к перегородке.

Глава 4. Чужие имена

К концу второго дня Зоя обнаружила у сухого сектора пять закрытых пакетов, не принятых по списку. В планшете напротив каждого стояла отметка возврата. В действительности пакеты лежали на полу, а Рада Гель не позволяла перенести их в общий запас.

— Это мои оболочки, — объяснила она. — Не корабельные. Я их дала конкретным людям.

— Здесь есть номера. Мы всё учли.

— Учли вещь. Мне нужно знать, что случилось с тем, кому я её дала.

Зоя спросила, нельзя ли просто сообщить Раде, что люди живы и размещены. Та попросила назвать имена. Зоя назвала два, третье стала искать. Рада ждала. За её спиной молодой нериец сказал, что ему достаточно было бы номера; женщина рядом велела ему не говорить за чужое имущество. Спор, который Зоя собиралась решить переносом пакетов, внезапно разросся.

Она предложила сделать личный возврат через стекло. Рада согласилась, но первый владелец временно одолженной оболочки отказался идти: он едва устроил ребёнка спать. Второй сказал, что не помнит лица женщины, давшей ему свёрток в дыму Рубежа. Рада отвернулась от микрофона.

— Не сегодня, — сказала она наконец. — Но не кладите

их в общий ящик.

Зоя выделила отдельную полку. Пять пакетов перестали задерживать остальные вещи, хотя ничего не разрешилось.

Ещё утром она попросила проверить слышимость за ужином. Кнопки у талмских столов неудобно располагались, и Савел Нор не хотел держать руку на микрофоне. Техник включил постоянный канал. Объявления теперь было слышно из грузовой галереи без помех.

Вечером через этот канал пошли имена.

Зоя стояла у раздаточного ящика, когда услышала медленный голос Савела. Она сначала решила, что он вызывает людей за едой. Потом различила: «Остаётся с нами в памяти». За одной фамилией прозвучала другая, после каждой делалась пауза. В галерее двое матросов замолчали, а Дина положила половник на край кастрюли.

Зоя дошла до выключателя и отключила внешний звук. Уже поздно: у стекла стоял Савел.

— Вы это записывали?

— Нет. Только передача.

— Кому?

— В галерею. Я просила проверить канал.

— Проверили?

Она кивнула, не сразу уловив, что ответа он не ждёт.

— Эти имена не объявление, — сказал Савел. — Мы сами решаем, кто их услышит.

— Я не знала, что вы начнёте...

— Я тоже не знал, что вы открыли микрофон.

Нае, проходившей по сухой стороне к своему столу, показалось, что спор идёт из-за тишины. Она остановилась возле Ильи: тот сидел у стекла с нетронутой едой.

— Что случилось?

Он рассказал. Потом прибавил, что Савел считал молчание людей за стеклом нарочитым: имена прозвучали, никто не ответил.

— Мы не слышали, — сказала Ная. — На нашей стороне канал выключен.

Илья оглянулся к столу, будто хотел немедленно это объяснить всем. Но Савел уже говорил с Зоей, и Ная не стала задерживаться. В собственном секторе её ждали последние два шва. Впервые с начала полёта она подумала, что стекло позволяет видеть достаточно, чтобы ошибиться.

Зоя собрала разговор у перегородки следующим утром, ещё до завтрака. Никто не захотел называть его общим собранием. Пришли Рада, Савел и Дина; остальные могли слушать из своих комнат, включив внутренний канал. Илья остался у дозатора, Ная — у рабочего стола.

Зоя начала с проходов. Дина спросила, почему её поставили на ночную передачу еды.

— Я готовлю с утра. Вета второй вечер ужинает одна.

— Ночью у вас среда не меняется, — сказала Зоя и сразу поняла, что ответила не на вопрос.

— У меня сон меняется.

Они сдвигали часы почти час. Раде нужно было оставить личный возврат; Савел просил отключать внешнюю связь перед вечерней едой и включать её лишь по просьбе из комнаты. Дина требовала две непрерывные тихие смены для спящих в секторе О. Насосы выключить было нельзя. Можно было перенести тележки, прогрев оболочек и выдачу посуды на другое время.

— Тогда дежурный у малого перехода не услышит вызов, — сказала Зоя. — Из спальной комнаты туда далеко.

— У вас каюта рядом, — заметила Дина.

Зоя посмотрела на маленький прямоугольник своей двери. Отдельная каюта была единственным местом, где она могла закрыть глаза и не видеть лица, которому что-нибудь должна. Там лежала ещё не распакованная сумка и стояла кружка с отбитой ручкой.

— Там будет пост. И место отдыха сменного дежурного, — сказала она. — Я перенесу вещи.

Никто не поблагодарил. Рада уточнила, где теперь хранить пакеты. Савел напомнил, что не все согласны приходить к стеклу для возврата. Дина попросила вписать часы отдыха сразу, пока они снова не стали свободными часами для чужой работы.

Собирать вещи оказалось дольше, чем Зоя ожидала. Она уже обжила каюту, хотя почти не бывала в ней: просунула запасные носки в щель между койкой и стеной, прикрепила к дверце ремешок для планшета, выложила на стол выданные

на полёт сладкие ломтики. Теперь ломтики пересыпались в сумку вперемешку с носками. Ремешок она оставила дежурным.

Первый матрос, пришедший принимать пост, принёс высокий стул. Зоя остановила его у двери.

— Он будет стучать ножками. Сменный спит за этой стеной.

Матрос показал на её собственный стул: точно такой же. Зоя поискала в сумке ткань и, ничего не найдя, отнесла оба стула в галерею. Через двадцать минут вернулась с мягкими накладками. Спросить их пришлось у Наи. Та отрезала нужные куски, не вставая из-за стола, и попросила больше сегодня не приносить срочного.

По пути обратно Зоя увидела Орена у внутренней раздачной. Он сам держал поднос и выбирал, куда сесть. Увидев её за стеклом, повернул поднос другой стороной, прикрыв миску рукой. Зоя не стала включать микрофон.

За складной ширмой в секторе О Зое досталась койка у стены. Её сумка не поместилась под ней: мешала труба. Зоя поставила сумку вертикально, раздеваться не стала и легла, держа планшет возле груди.

Пост принял первое ночное дежурство. Доставку ужина закончили на сорок минут позже, зато Дина ушла к дочери, не дожидаясь последних пустых мисок.

Когда Зоя почти заснула, в щели ширмы показалась рука Тамира.

— Минуту найдёшь?

Она села.

Инженер показал расход осушительного блока. Две линии, расчётная и фактическая, расходились на протяжении последних суток.

— После эвакуации нагрузки другие, — сказала Зоя.

— Я их заложил. Он берёт больше. Пока не знаю почему.

За стеной включился насос. Кружка с отбитой ручкой мелко задрожала на полу, и Зоя переставила её на свою сумку.

Глава 5. Путь с миской

Зоя прижала локтем свёрнутую схему и попыталась поднять пустую тележку через порог. Передние колёса прошли, задние застряли. Пришлось выпустить схему, и лист лёг на пол, точно обозначив то место, где она не предусмотрела ни одной остановки.

Орен ждал у внутренней двери влажного сектора. В левой руке у него была миска с тонкой трещиной, в правой — трость, одолженная на время у Аси. Воротник увлажнения сидел поверх домашней куртки. Орен согласился показать свой обычный путь за посудой, но сказал заранее, что под руку его брать не надо.

— Тележку тоже отдать вам? — спросила Зоя.

— Она пустая. Толкайте.

Она подняла лист. Край успел намокнуть; две стрелки расплылись. На четвёртые сутки полёта Зоя уже знала, сколько времени надо держать бумаги над решёткой тёплого воздуха. Она всё ещё автоматически клала их на любую свободную поверхность.

У двери дежурила женщина с Оси. Она проверила выбранный режим, дождалась подтверждения из переходной камеры и только потом нажала разрешение. Орен показал ей край щитка, застёгнул воротник. Никто его не торопил. От этого Зое казалось, что они безнадёжно опаздывают, хотя в

её расписании на обход стояло полтора часа.

В камере пахло влажной тканью. Дверь за ними закрылась. Начался переход к средней среде, и над следующим выходом потекли шесть коротких полосок времени.

— На схеме это один шаг, — сказал Орен.

— Шесть минут. Я учла.

Он переставил трость к стене, поправил миску в ладони и замолчал. Через минуту Зоя поняла, чего он ждёт. В камере некуда было сесть. Тележка мешала прислониться к низкому поручню, а отпускать её на наклонном полу нельзя. Орен не собирался объяснять собственную усталость раньше, чем она её увидит.

— Здесь поставим откидное сиденье.

— Тогда измерьте вместе с открытым сиденьем.

Она записала на обратной стороне листа. В учебных схемах неподвижные предметы занимали площадь. Человек у неё до сих пор занимал точку.

В галерее Зоя показала указатель выдачи. Большая стрелка светилась ровным зелёным, под ней стояли буквы сектора.

— Видите её отсюда?

— Теперь вижу.

— А тогда?

— Тогда я шёл следом за теми, кому было выдано то же время. Передо мной человек нёс свёрток. Стрелка была над его плечом. Мою дверь я прошёл.

— Почему не вернулись?

Орен остановился. Зоя услышала собственный вопрос уже после того, как его произнесла.

— Потому что вы велели ходить в одну сторону.

У него не было торжества человека, нашедшего слабое место. Он просто ждал, пока она перестанет загораживать тележкой выход.

Указатель пришлось рассмотреть с нескольких сторон. От места, где выдавали миски, он становился узким светлым ребром. Внизу красовалась вторая табличка: «Проход свободен». Она означала, что дверь исправна и камера доступна для следующего цикла, но могла означать совсем другое для человека с посудой в руках.

— Вот это снимите, — сказал Орен. — Не пишите, что свободно. Пишите, что сейчас внутри. Сухо там или влажно. Кого ждать.

— Состояние камеры есть на пульте.

— Я иду за миской. Пульт у вас.

Зоя сняла табличку сама. За ней осталось более светлое прямоугольное пятно. Новую она пока не повесила: нужно было придумать надпись, которую прочтут не только стоя прямо перед ней.

У стойки выдачи Зоя остановила тележку. Орен поставил миску на стойку и попросил такую же по размеру. Молодой пассажир за стойкой предложил металлическую, легче. Орен перевернул её, провёл ногтем по донышку.

— Эта будет греметь. Дайте тяжёлую.

Зоя почти вмещалась: в ведомости тяжёлой посуды оставалось мало. Но мужчина уже достал другую миску. Орен постучал по краю, удовлетворённо кивнул. Треснувшую он забрал назад.

— Вы хотели заменить, — сказала Зоя.

— Я хотел есть, пока чиню эту.

Она освободила для него часть тележки. Он положил туда обе миски, обернув одну рукавом куртки. Рядом с пустыми графами её схемы появились две округлые тяжести, которые нельзя было считать одним перемещением.

На обратном пути они встретили нерийку с узким футляром оболочки. Та шла быстро, сверяясь с часами, и не стала останавливаться ради обхода. Зоя посторонилась. Впервые за утро она не предложила человеку другой путь: до конца разрешённого пребывания в средней среде оставалось мало времени.

Орен смотрел ей вслед. Зоя развернула схему. Через сухой сектор дорога до следующей стойки была короче. Она сама ходила так вчера, когда торопилась поест, и машинально считала этот путь удобным запасным. Для Орена он означал другой воздух и строгий предел времени под защитой. Она зачеркнула соединительную линию, затем провела её заново, пунктиром: путь существовал, но предлагать его любому встречному было нельзя.

— Что исправили? — спросил Орен.

Она показала. Он кивнул, не прибавив к этому ни одобре-

ния, ни прощения. Зое пришлось оставить его кивок ровно тем, чем он был.

— Всем дать одинаково долго не получится, — сказала Зоя, больше проверяя формулировку, чем обращаясь к нему.

— Мне не нужно долго. Мне нужно туда, куда я собирался.

У дверей сектора О пришлось ждать, пока Дина вывезет широкую стойку с закрытыми кастрюлями. Сзади шла Вета и придерживала дверную створку рукой, хотя удерживал её механизм.

— Руки убери, — сказала мать. — Лучше скажи, колесо справа проходит?

Зоя отодвинула свою тележку в нишу. Дина заметила её записи и спросила, кто после обхода будет мыть пол. На полу тянулись следы от влажных колёс.

— Уточню у хозяйственной смены.

— Уточните до того, как нарисуете ещё стрелку через моё место приготовления.

Она не ждала ответа. Вета обернулась к Орену, хотела что-то спросить о мисках, но мать позвала её проверить второе колесо.

Обратную камеру они прошли уже без разговора. Орен сел на край тележки, и Зоя держала её обеими руками все шесть минут. Миска лежала у него на коленях. Он прикрывал трещину большим пальцем, словно от случайного взгля-

да та могла разойтись.

Влажная дверь открылась через двадцать две минуты после включения воротника. Двенадцать ушло на камеры. Орен проверил остаток запаса, отстегнул застёжку; только тогда Зоя спросила:

— Можно я приду ещё раз, когда будут надписи и сиденье?

— На обход — можно. Лечить меня вашим вниманием не надо.

Он встал, забрал посуду и трость. Уже в своей комнате обернулся:

— И не снимайте старый знак, пока нового нет. Там теперь люди будут останавливаться и спрашивать.

Зоя вернулась к голому прямоугольнику на стене. Написала от руки текущее состояние камеры и имя дежурного, прикрепила лист двумя полосками ленты. Нижний край отставал. Ей хотелось выровнять его, но из галереи окликнули: тележка снова перегородила дорогу.

Глава 6. Лишний плавник

Ная вырезала второй плавник из более толстой жести. Илья через стекло показал на первый: тот уже был удачным, лёгким, с аккуратным зубчиком по краю. Ная покачала головой и поставила новый рядом.

— Пусть будут разными.

— Тогда её поведёт.

— Посмотрим куда.

Они работали у передаточного ящика после раздачи запасных манжет. Наинной стороне достался янтарный свет, Ильиной — приглушённый синий. Каждый предмет, оказавшись у другого, выглядел чужим: белая нить зеленела, тёмный винный лоскут превращался почти в чёрный. Ная сперва всякий раз уточняла цвет, потом перестала. Для маленькой механической рыбки это не имело значения.

Илья сделал зубчатую полоску из отхода направляющей дозатора. Рыбка должна была перебирать её двумя тонкими лапками, скрытыми под плавниками. Пока одна лапка надёжно держала игрушку на месте, а другая отважно толкала назад.

— У неё мнение о нашем маршруте, — сказал он.

Ная засмеялась и поправила конец пружины. Через микрофон смех получился ближе, чем её лицо за двойным стеклом. Илья поднял глаза, потом снова принялся за полоску,

словно не вполне понял, можно ли смотреть.

Передаточный ящик требовал завершить каждый цикл, прежде чем открыть противоположную крышку. Они быстро обнаружили, что две минуты обсуждения часто экономят одну передачу. Ная прикрепила со своей стороны прозрачный лист, Илья вёл пальцем по стеклу напротив, а она повторяла его движение карандашом. Когда он убирал руку, на листе оставался след движения, которого она почти коснулась.

— Здесь плечо короче, — сказал он. — Нет, другое здесь. Ваше правое.

— Моё правое занято ножницами.

— Тогда свободное ваше правое.

Она нарисовала рядом вторую кисть с шестью пальцами. Илья серьёзно рассмотрел её и сказал, что с таким инструментом работа пошла бы быстрее.

— А если все пальцы большие? — спросила Ная.

— Тогда я наконец перестану терять маленькие винты. Их никто не сможет сделать.

Они начали придумывать вещи, которые нельзя было бы починить такой рукой. Ная назвала замок от шкатулки, Илья — крошечную ложку для человека, недовольного величиной своей порции. Выяснилось, что Ная ела сладкое большой ложкой, прямо из жестяной банки, а Илья любил отламывать одинаковые кусочки и оставлял самый ровный напоследок. Ная сказала, что никогда не доверила бы ему банку. Он ответил, что достаточно доверить пустую: из крышки получится

отличный хвост. Они смеялись, стараясь не задевать локтями разложенные детали.

Это было самое бесполезное дело Наи за последние дни, и оттого она уже дважды посмотрела на часы. В её комнате ждали три повреждённые манжеты. Никто не назначал ремонт именно на этот вечер. Она сама складывала принесённые вещи в порядке, который делал их срочными.

Илья заметил взгляд.

— Вам нужно идти?

— Мне всегда что-нибудь нужно чинить.

— Я спрашивал про вас.

— Ещё немного.

Он не стал благодарить за оставшиеся минуты. Ная с неожиданным облегчением занялась плавником.

На Рубеже у неё был шкаф, который не запирался. Дверца держалась на кривом деревянном клинышке. Сам шкаф был металлический, клинышек ей подарила женщина с грузового причала, привёзшая настоящее дерево из дома. Ная рассказала об этом, объясняя, почему не любит слишком точные защёлки.

— Вы ведь могли его исправить, — сказал Илья.

— Да. Там всего две петли. Я всё собиралась.

— А что было внутри?

Она хотела перечислить рулоны, формы, запасные замки. Вместо этого сказала:

— Камни. Один похож на каблук, один на варёное яйцо.

Совсем ненужные. Люди приносили обрезки для работы, а я просила ещё что-нибудь такое. У меня было пять камней, которые я не могла назвать.

— То есть шкаф запирался бы лучше, если бы у вас было меньше камней.

— Значительно лучше.

Илья покрутил обломок полоски. С его стороны кто-то проехал с корзиной белья; он наклонился, пропуская, и вернулся ближе к стеклу.

— Я оставил целую стену ложек.

— Коллекционировали?

— Чинил дозаторы в столовой. Нельзя было разбирать исправный механизм ради интереса. Поэтому я собрал другой, из того, что разрешалось. Каждая ложка ударяла по следующей. В конце падала одна сухая фасолина.

— Еду портили?

— Одну фасолину. Она участвовала примерно полгода.

Ная представила стену. Сперва огромную, потом обыкновенную стенку возле рабочего стола, на которой взрослый мужчина долго и сосредоточенно устраивал путь одной фасолины. От этого Илья перестал быть только человеком, появляющимся в синем прямоугольнике с нужным инструментом.

— Получалось красиво?

— Ужасно. Савел говорил, что в нашей мастерской завелось ведро с ногами. Но дети приходили смотреть. И взрос-

лые приходили, только спрашивали сначала про фильтры.

Ная хотела спросить, кто именно приходил чаще других. Вопрос был уже почти личным; она не знала, готова ли затем отвечать на такой же. Вместо этого показала на пружину.

— Ваша рыба тоже звучит как ведро.

Илья привёл механизм в движение. Широкий плавник ударил о край направляющей. По ту сторону перегородки кто-то раздражённо поднял голову. Ная остановила игрушку карандашом и показала на вмятину.

— Она сама себе мешает. Плавник цепляется.

— Укоротим?

— Тогда зачем я его вырезала? Отодвинь направляющую.

Он ослабил крепление и дал Нае посмотреть на зазор через стекло. Первый раз рыбка свалилась набок: лапка перестала доставать до зубцов. Илья вернул направляющую чуть ближе. Теперь плавник проходил над краем, почти касаясь его; рыбка двигалась медленнее, зато без звона.

Ная всё-таки спросила:

— Вы жили один?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.